

Джозеф Сутерс

СОЦИОЛОГИЯ И ВОЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КЛАССИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ

Аристарх Лентулов «Победный бой (военное панно)», 1914. Собрание П. О. Авена

Джозеф Сутерс
Социология и военные
исследования. Классические
и современные основания
Серия «Образ общества»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66828338

Социология и военные исследования. Классические и современные

основания: ВЦИОМ; Москва; 2021

ISBN 978-5-906345-37-0

Аннотация

Книга известного западного социолога профессора Тилбургского университета и Нидерландской академии обороны Джозефа Сутерса посвящена анализу возможностей социологической науки для понимания структуры, функционирования и эффективности современных вооруженных сил в предотвращении и разрешении военных конфликтов. В частности, анализируется вклад в развитие военных исследований как классиков социологии – М. Вебера, Э. Дюркгейма, К. Маркса, Г. Зиммеля, Дж. Аддамс, У. Дюбуа, П. А. Сорокина, так и более современных ученых – Э. Гофмана, М. Фуко, М. Яновица, Н. Элиаса, К. Ламмерса, А. Р. Хокшильд,

С. Энло и Б. Латура. Тематика рассматриваемых идей, теорий и результатов эмпирических исследований варьируется от военной бюрократии и военной музыки до связей в первичных группах и проявления эмоций, от вопросов сохранения мира, расовых и гендерных проблем, стилей военного руководства до взаимовлияния в вооруженных силах науки и техники.

В настоящее время военная социология ограничивается изучением гражданско-военных отношений. Автор определяет перспективные направления ее развития: расширение проблематики и переход к исследованиям непосредственно в районах проведения военных операций.

Работа представляет интерес для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся социологическими проблемами предотвращения и разрешения военных конфликтов в мире, развития современных вооруженных сил и гражданско-военных отношений.

Содержание

Слова благодарности	7
Пролог	11
Предисловие к русскому изданию	12
Введение	15
Глава 1. Макс Вебер: Бюрократия, лидерство и военная музыка	32
Бюрократия	34
Господство (авторитет) и лидерство	51
Музыка	59
Заключение	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Джозеф Сутерс

Социология и военные исследования.

Классические и современные основания

© Routledge, 2018

© Joseph Soeters, 2018

© Белоусова В. В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление, АО «ВЦИ-ОМ», 2021

* * *

Эта книга посвящается моему дяде Мэтью («дяде Жю»).

Он проходил службу в армии, когда в конце 1940-х гг. его, двадцатилетнего сержанта, перебросили на территорию сегодняшней Индонезии для участия в нидерландской «полицейской операции». По всей видимости, там ему вскоре пришлось пережить что-то ужасное, из-за чего он не смог оставаться в здравом рассудке. Дядя умер в возрасте 46 лет в психиатрической больнице.

Огромное число и индонезийцев, и нидерландцев пережили что-то подобное или даже худшее. Я посвящаю эту книгу дяде Жю и всем тем, кто пострадал в подобных ситуациях.

Слова благодарности

Эта книга стала результатом моего более чем сорокалетнего взаимодействия с социологией и более чем двадцатилетней работы с вооруженными силами. Хотя, по большей части, эти периоды совпадают во времени, они достаточно продолжительны. За такое долгое время накапливаются мысли, идеи, опыт, которые в совокупности очень хорошо отображают картину происходящего вокруг. Искусство социологии, конечно, зависит от того, что мы видим, слышим, говорим, чувствуем, читаем, изучаем, куда ездим и где бываем. Социология в вооруженных силах еще больше зависит от длительного взаимодействия, поскольку вооруженные силы – достаточно закрытое сообщество, в которое нелегко попасть и сложно сразу понять. Для того чтобы по-настоящему осознать происходящие в вооруженных силах процессы, требуется время.

Это моя вторая монография на тему, связанную с вооруженными силами. Первая касалась происхождения и динамики гражданских войн и терроризма. Она была построена в проблемно-ориентированном ключе, когда *сначала идет проблема*, в моем случае, связанная с гражданскими войнами и терроризмом, а *затем теория*. Я верю в ценность и правильность такого подхода к работе и обучению. Тем не менее свою вторую книгу я решил начать с теорий, предлагае-

мых основателями социологии. Казалось бы, это противоречит тому, что я считаю наиболее естественной формой представления научной информации. Однако теории в этой книге сразу применяются к насущным проблемам. Получается, что не важно, что именно будет представлено первым, если дистанция между теорией и проблемой будет минимальной. Ценность социологии – в ее применении к повседневным вопросам. Она не должна быть *«искусством ради искусства»*.

Свой вклад в создание этой книги – в основном благодаря разным идеям и предложениям, порой брошенным вскользь, но ставшим очень полезными при написании той или иной главы – внесли многие. Двоих из них: Чарльза Москоса и Корнелиса Ламмерса, к моменту публикации книги уже не было в живых. При жизни они вдохновляли меня и во многом направляли мои мысли в отношении социологических аспектов вооруженных сил. Я благодарен им за это влияние.

Другие коллеги, далекие и близкие, по-разному помогали мне с идеями для книги: были и рекомендации через Facebook, и практические советы и подсказки по работе с текстом, которые не приходили мне в голову. В алфавитном порядке это: Эяль Бен-Ари, Даниэль Блок, Ханс Борн, Мортен Брендер, Линдси Коун, Саид Хаддад, Жаклин Хирен-Богерс, Урбиан ван ден Хейвел, Дирк Круит, Нина Леонхард, Ягиль Леви, Мариус Меевс, Делфин Рестень, Уилбур Скотт, Ад ван Итерсон, Ян ван дер Мелен и Клод Вебер. Можно сказать, что эта книга – продукт *краудсорсинга* и *крауд-вдох-*

новения.

Библиотекари Эрнст Бертелинк и Мириам Крузе из Нидерландской академии обороны серьезно помогли мне подобрать литературу, которая ускользнула от моего внимания при поисках в интернете. Жаклин Влек-Шут стала дизайнером обложки [для англоязычного издания], за что я ей очень признателен. Мариет Берендсен помогла мне с английским.

Особые слова благодарности хочу выразить Джеймсу Берку и Патрисии Шилдс. Это ученые из сообществ журнала «Вооруженные силы и общество» (*Armed Forces and Society, AF&S*) и Межуниверситетского семинара по вооруженным силам и обществу (*Inter-University Seminar on armed forces and society, IUS*). Они во многом помогли мне и подстегнули меня к написанию книги. Благодаря Патрисии Шилдс я увидел важность работ Джейн Аддамс в области мира и конфликта. Джеймс Берк не просто поддержал и наставил меня, но также помог открыть социологию музыки Макса Вебера с ее возможным применением к военной музыке.

Мой коллега Пол ван Фенема напомнил, что технологии – одна из основных тем социальных и военных исследований. Это напоминание и энтузиазм Маартена ван Веена в отношении Бруно Латура убедили меня написать главу об этом авторе.

Анонимные рецензенты дали положительные отзывы на предложенный издательству текст, после чего работа закипела. Мои близкие коллеги Рене Мелкер из Нидерландов и Фи-

липп Манигарт из Королевской военной академии Бельгии в Брюсселе читали черновые варианты разных глав и помогли мне избежать многих ошибок. Они также послужили источником множества дополнительных идей. Конечно, ошибки, недочеты и спорные моменты при переводе остались, и за это я несу полную ответственность.

Пролог

Бруно Латур (с которым мы познакомимся в предпоследней главе этой книги), социолог, занимающийся изучением науки и технологий, однажды ясно сформулировал, в чем ценность социологии для инженеров, профессионалов технических специальностей и тех, кто принимает решения в отношении развития технологий. Латур продемонстрировал людям из мира техники и технологий, «что они не могут даже помыслить о технологическом объекте, не принимая во внимание всю массу людей со всеми их желаниями, политикой и мелкими расчетами. И только став хорошими социологами и гуманитариями, они смогут стать лучшими инженерами и принимать более информированные решения» [Latour, 1996: viii].

То же самое я бы сказал и о вооруженных силах тем, кто принимает решения об их ресурсах, а также о начале, ходе и завершении их действий.

Библиография

Latour, B. (1996) *ARAMIS or the Love of Technology*. Cambridge MA and London: Harvard University Press.

Предисловие к русскому изданию

Моя книга «Социология и военные исследования: классические и современные основания» [Soeters, 2018], выпущенная в свет в 2018 г. издательством Routledge, вызвала много откликов в среде социологов, занимающихся разработкой военной проблематики. Один из них я получил из России. Профессор Московского государственного лингвистического университета Игорь Образцов, высоко оценив мою работу, предложил опубликовать в российском журнале «Социологические исследования» статью с изложением основных моментов моей книги по развитию военной социологии. В феврале 2021 г. такая статья была опубликована [Сутерс, 2021] и вызвала определенный интерес у российских читателей.

Тогда и возникла идея издать мою книгу на русском языке. Единомышленников для ее реализации нам удалось найти в лице Анны Кулешовой, руководителя Департамента издательских программ Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), взявшей на себя хлопоты по урегулированию издательско-правовых вопросов с английским издательством Routledge и подготовке моей работы к публикации в России, за что я ей очень признателен.

При обсуждении формата издания я по предложению профессора Игоря Образцова включил в русскоязычный вари-

ант дополнительную главу о социологическом вкладе в изучение военного дела Питирима Сорокина, американского социолога с русскими корнями. Я познакомился с его оригинальными работами и «переоткрыл» для себя автора, вклад которого в развитие социологии в целом и в военную социологию в частности до сих пор остается недооцененным многими американскими и европейскими социологами. Эта новая глава о Сорокине также будет включена в издание на французском языке, готовящееся к печати издательством Presses Universitaires de Rennes.

Моя особая благодарность переводчику Веронике Белосовой, мастерски осуществившей перевод на русский язык не только моей книги, но и предшествовавшей ей статьи. Сотрудничество с ней и профессором Образцовым было для меня очень интересным и полезным: с их помощью я смог немного больше узнать о России. И я надеюсь продолжить свое знакомство с вашей страной.

Я полагаю, что англоязычный мир в значительной мере ограничен. Социология, изучающая коллективное поведение человека во всем мире, не должна иметь языковых и пространственных барьеров, поэтому научные работы должны переводиться и публиковаться на разных языках, расширяя поле научной дискуссии и обмена мнениями. В настоящее время готовится публикация моей книги на китайском и французском языках.

К сожалению, ограничения, ранее вызванные холодной

войной, а сейчас продолжающимся военно-политическим противостоянием России и НАТО, сказываются и на научной сфере. Поэтому публикация моей книги на русском языке имеет особый смысл: географически Россия находится так близко к Западной Европе, но с точки зрения взаимодействия, гуманитарного и научного обмена – так далеко. Это я вынужден констатировать с сожалением. Но я очень надеюсь, что моя книга, вышедшая на русском языке, будет способствовать сокращению этой дистанции взаимного непонимания и недоверия.

Библиография

Soeters, J. (2018) *Sociology and Military Studies. Classical and Current Foundations*. New York; London: Routledge.

Сутерс Д. Социология и военные исследования: расширяя горизонты с помощью классиков // *Социологические исследования*. 2021. № 2. С. 67–80. DOI: 10.31857/S013216250012680-1.

Введение

С момента зарождения социологии как научной дисциплины такие феномены, как война и мир, конфликт и насилие, армия и вооруженные силы, всегда, в скрытой или явной форме, были предметом ее научного обоснования и исследования. И это не удивительно, поскольку все они в период развития социологической мысли были неотъемлемой частью повседневной жизни человечества.

В XIX–XX вв. войны, массовые волнения, революции, боевые действия, мобилизации и связанная с этим жажда мира были темами всеобщего обсуждения. Вторжение Наполеона практически во все страны Европы и Ближнего Востока, колониальная и гражданская войны в США, мировые войны в Европе и Азии и множество затяжных колонизаций и деколонизаций, развязанных европейскими государствами, окрашивали обычные будни в зловещие тона. События и опыт, связанные с войной, не могли не стать предметом социологического анализа, то есть анализа взаимодействий между различными социальными группами, институтами и обществами в периоды военных действий.

На протяжении веков существенные изменения происходили и в вооруженных силах – *«социальной организации концентрированного насилия со смертельным исходом»* [Mann, 2012: xiii]. Они трансформировались от неорганизованных

крестьянских отрядов и вооруженного купечества Средневековья до внушительных по своим размерам призывных вооруженных сил периода XIX и XX вв., а затем – в меньшие по размеру, но более профессиональные непризывные армии, распространенные сегодня во многих западных странах.

За время своего существования военные организации то приобретали, то теряли актуальность. При этом феномены, относящиеся к вооруженным силам, всегда интересовали общественность. И сегодня в СМИ регулярно появляются сообщения о войнах и военных действиях, например, в Сирии, Ливии, Йемене, Судане и Афганистане. Практически ежедневно новостью дня становятся теракты и боевые действия в разных точках мира. Соответственно, и военная социология получила свое развитие, став небольшой, но жизненно необходимой отраслью своей материнской дисциплины – социологии.

Сегодня военная социология по большей части имеет дело с гражданско-военными отношениями. Она изучает принятие политических решений об использовании вооруженных сил, отношения между государством и вооруженными силами, влияние на них общественного мнения и СМИ, репрезентацию населения страны в вооруженных силах, включая гендерные и национально-расовые аспекты, а также вызовы организационного характера (человеческие ресурсы и занятость), с которыми сталкиваются вооруженные силы.

Этой отрасли социологии посвящено немалое количество

научных работ. Важным источником стала докторская диссертация Бернарда Боэне о развитии военной социологии в США с начала прошлого века [Boëne, 1995]. Четырехтомная антология Дэвида Сигала и Джеймса Берка дает ценный взгляд на положение дел в этой отрасли, начиная с 40-х годов XX века до настоящего времени [Segal, Burk, 2012]. Узнать о сегодняшнем состоянии этой отрасли в Европе можно, например, обратившись к фундаментальной работе Герхарда Кюммеля и Андреаса Прюферта [Kümmel, Prüfert, 2000]. В «Руководстве по войне и обществу» Стивена Карлтона-Форда и Мортена Эндера представлено исследование общественного влияния на недавние войны в Ираке и Афганистане [Carlton-Ford, Ender, 2013]. Новое «Руководство по социологии в вооруженных силах» Джузеппе Кафорิโอ дает наиболее свежее и всеобъемлющее представление об успехах в этой сфере [Caforio, Nuciari, 2018].

Связь между социологией времен ее зарождения, когда тема войны и мира доминировала в повседневной жизни людей, и современными вооруженными силами с их военными операциями подвергалась изучению не так часто. Можно сказать, что значимость теорий более ранних времен кажется почти утраченной, однако Джузеппе Кафорิโอ дал некоторые исторические заметки в своем «Руководстве по социологии в вооруженных силах» [Caforio, 2003]. Работа Синиши Малешевича, нацеленная на развитие социологической теории войны и насилия, также внесла в данное направление важ-

ный вклад, который нельзя недооценивать [Malešević, 2010a; 2010b]. Малешевич [Malešević, 2010b] говорит, что многие «отцы-основатели» социологии видели в войне и насилии ключевые механизмы социальных изменений, хотя дальнейшие пацифистские интерпретации классики, возможно, исказили этот подход. Он даже говорит «о *воинственной социологии*», «социологии, кишасей мыслями о войне». В похожем ключе на «подавление войны» в социальной теории ссылаются Йоас и Кнебель, которые полагают, что войны зачастую являлись системообразующим элементом в генерации многих социальных теорий, будучи «информационным фоном идей», но не появляясь (или появляясь крайне редко) затем в самих теориях [Joas, Knöbl, 2013: viii]. Дандекер [Dandeker, 1990: 29–30] также отмечает, что социологи не обращают внимания на военную организацию и надзор в основных отраслях военной профессии.

Исходя из таких наблюдений, целью данной книги стало изучение связей между элементами работы социологов-основателей и сегодняшними вызовами, стоящими перед вооруженными силами. В этой книге предполагается пойти дальше общего обзора социологической мысли о войне и насилии, как это делали Малешевич [Malešević, 2010a], Йоас и Кнебель [Joas, Knöbl, 2013], и изучить всю многогранность военной организации и институции. Поэтому книга более нацелена на мезоуровень (уровень организаций и институций) и микроуровень (уровень поведения отдельных воен-

нослужащих), а не на макроуровень общества и международной политики. Изучение этих уровней с помощью работ классической и более современной социологии может служить трем целям. Во-первых, эти работы – ориентиры мастерства; во-вторых, благодаря им исследователи, студенты и более широкая аудитория читателей этой книги смогут познакомиться с комплексом трудов по военной социологии и их многогранностью; и в-третьих, эти исследования – «просто источник великих идей», как однажды сказал А. Стинчком [Stinchcombe, 1982].

Книга решает две задачи. Она предоставляет теоретические наработки прошлого, в то же время демонстрируя их прямую или косвенную роль в процессе принятия решений, подготовки и проведения операций современных вооруженных сил. Вклад социологов касается как *холодной*, так и *горячей* стороны военной организации. То есть как *подготовки*, так и собственно *выполнения* работы по предотвращению, сдерживанию и разрешению крупномасштабных военных конфликтов. Последнее особенно важно. Однако до сегодняшнего дня социология не придавала большого значения изучению собственно военных операций, чаще оставляя эту сферу на откуп историкам и военным экспертам [Giddens, Sutton, 2013: 1028]. Такую ситуацию необходимо преломить, чему также может поспособствовать эта книга.

В центре внимания настоящей работы находятся обычные, повседневные заботы вооруженных сил, рассмотрение

которых будет важно и с теоретической, и с практической точки зрения как для курсантов военных вузов и действующих военных, так и для гражданских, интересующихся военным делом, например студентов отделений международных отношений, исследований проблем безопасности, политологии и общей социологии.

В книге представлены мысли и соображения, которые могли бы помочь вооруженным силам обновить свои организации и обычаи, не обязательно привычным функциональным способом проведения инноваций (например, действовать быстрее и точнее, меньше загрязнять окружающую среду, быть менее трудоемкими, более скрытными и малозаметными на поле боя и т. д.), но и более широко. Как сказали бы социологи, эта книга не ставит своей задачей помочь усовершенствовать вооруженные силы в функционально-рациональной манере. Вместо этого, выражаясь словами Карла Мангейма, она больше направлена на субстанциальную рациональность (см., например, [Ritzer, 1998: 20–29]).

Функциональная рациональность относится к знаниям, нацеленным на действия, с ясными связями целей и средств. Она стремится ответить, например, на такие вопросы: был ли мост, служащий целью, полностью уничтожен, без (масштабного) сопутствующего ущерба и жертв, с наименьшими затратами боеприпасов? Такие вопросы диктуются насущной необходимостью в ситуации и в точке боевых действий.

В то время как *субстанциальная рациональность* «отно-

сится к способности к независимому суждению» [Mannheim, 1940: 58]. Она вносит в уравнение более глобальные ценности и вопросы, зачастую социального и этического характера. Цели и средства здесь связаны намного менее прозрачно. Действительно ли уничтожение моста, служившего целью, внесло свой вклад в прекращение военных действий? Помог ли разрушенный мост разрешить кровопролитный конфликт в этой зоне? Содействовали ли боевые умения и навыки подразделения завершению противостояния или, наоборот, только ухудшили положение дел в зоне операций? Что будет, когда боевые действия завершатся? Кто будет отвечать за последствия?

Эта книга не только о функциональных вопросах, связанных с вооруженными силами, но, наверное, даже в большей степени о тех более общих вопросах, которые призвана ставить и обсуждать социология.

Логика книги

Книга имеет ограничения по своему масштабу и охвату: она не имеет цели познакомить читателя со всеми знаковыми фигурами социологии и всем многообразием их трудов. Для решения этих задач есть другие работы, которые отлично с ними справляются (см., например, [Aron, 1989 (1967); Giddens, 1971; Nisbet, 1976; Coser, 1977; Turner, 1991; Levine, 1995; De Jong, 2007]). В этой книге представле-

ны лишь некоторые социологи, как современные, так и классики, и освещена только часть их работ.

Критерием отбора служило влияние, которое оказали или намеревались оказать авторы на развитие теорий и практики в сфере сегодняшних военных исследований. В связи с ориентацией работы на военную институцию и организацию за пределами книги остались социологи, работающие с феноменами макроуровня, такими как связь между войной, революцией, массовыми волнениями, функционированием государств и международными отношениями. Все это можно найти в других источниках. Социологи, склонные к общему абстрактному теоретизированию, также не выступают в роли главных героев этой книги.

Книгу можно считать презентацией и обсуждением *избранных социологических трудов*, значимых для вооруженных сил. И хотя на первый взгляд эти работы могут показаться очень разными, при знакомстве с их содержанием становится понятно, что в них есть общие и повторяющиеся темы. По мере прочтения книги главы постепенно начнут «перекликаться». В конце книги разнообразие тем даст широкую и всеобъемлющую картину вооруженных сил.

Вдохновили меня на написание этой книги две более ранние публикации. Одна из них – перевыпущенное издание, изучающее вклад и роль социологов-классиков в сфере исследований организаций [Adler, 2009]. Там рассматриваются влияние и значение для современных исследований орга-

низаций работ и теорий таких социологов-теоретиков и основателей социологии, как Алексис де Токвиль, Макс Вебер, Эмиль Дюркгейм, Карл Маркс, Габриель Тард, Георг Зиммель, Йозеф Шумпетер, Норберт Элиас, Торстейн Веблен, Уильям Дюбуа, Джон Дьюи, Мэри Паркер Фоллет и Толкотт Парсонс. Вторая публикация – продолжение первой, ее Пол Адлер и его коллеги [Adler et al., 2014] посвятили современным социологам и влиянию их работ на исследования организаций. В ней обсуждаются такие европейские социологи, как Мишель Фуко, Пьер Бурдьё, Бруно Латур и Никлас Луман, и англо-американские авторы: Чарльз Райт Миллс, Ирвинг Гофман, Арли Рассел Хокшилд и Энтони Гидденс. Обе книги сыграли важную роль и, как уже упоминалось, стали важным источником вдохновения.

Наша книга по социологии и военным исследованиям отличается от публикаций Пола Адлера, поскольку здесь военные исследования рассматриваются как отдельная отрасль исследований организаций. Военные организации специфичны – как правило, это особый, *обособленный тип* организаций. Их обычно не изучают в рамках общих организационных исследований. Присущая им функция использования насилия обособляет их от остального организационного мира. Связь военных исследований как дисциплины даже больше прослеживается не с исследованиями организаций, а с другими научными отраслями, особенно с политологией, административными исследованиями, изучением междуна-

родных отношений и теорий гражданско-военных отношений.

Эта книга также отличается тем, что объединяет имена ученых, которые появлялись либо в одном, либо в другом предыдущем издании по социологии и исследованиям организаций. Она объединяет ученых разных времен. Рядом с известными классиками социологии Максом Вебером, Эмилем Дюркгеймом, Карлом Марксом, Георгом Зиммелем, Джейн Аддамс и Уильямом Дюбуа появляются и более современные нам, а именно Ирвинг Гофман, Мишель Фуко, Моррис Яновиц, Норберт Элиас, Корнелис Ламмерс, Арли Рассел Хокшилд, Синтия Энло, Бруно Латур. В настоящий момент живы только трое последних. Из данного списка только Морриса Яновица можно считать военным (и политическим) социологом, все остальные – ученые широкого профиля, но выдвинутые ими теории и наблюдения могут сыграть важную роль в изучении вооруженных сил.

Перечисленные выше имена хорошо иллюстрируют две тенденции в социологии. Во-первых, она зародилась в Европе, но вскоре пересекла Атлантический океан. Во-вторых, вначале социология – дело мужчин, но затем ее быстро подхватывают и женщины. Успехи социологических наук в военных исследованиях немыслимы без вклада женщин-ученых.

Теории и наработки названных авторов развивали военные исследования и привели их туда, где они находятся сей-

час. Эти ученые создавали и работы, посвященные вооруженным силам, и другие труды, в которых почти не уделялось внимание военным исследованиям как таковым. Однако, хотя ни один из этих авторов и не работал исключительно для вооруженных сил, все они создали что-то, сыгравшее важную роль для понимания структуры, функционирования и эффективности сегодняшних вооруженных сил на всем земном шаре. Названные авторы отнюдь не единственные, кто отвечает этому критерию, но их можно назвать наиболее выдающимися – по меньшей мере, с моей точки зрения.

Влияние этих авторов на военные исследования было как непосредственным, так и опосредованным благодаря помощи или вкладу других ученых. Взгляды Карла Маркса на социальное неравенство и элиты, например, стали особенно значимыми для изучения вооруженных сил благодаря работе Чарльза Райта Миллса. Позднее такие социологи, как Ягил Леви, также стали рассматривать социальное неравенство и его связь с военными действиями и их последствиями. Теории Макса Вебера о бюрократии были перенесены на военные исследования многими учеными, среди них Мортен Эндер, продолживший работу Джорджа Ритцера, который, в свою очередь, актуализировал труд Макса Вебера. Наработки Джейн Аддамс о роли госслужбы в медиации конфликта были вдохновлены прагматичными идеями Джона Дьюи, которые не так давно были перенесены на вооружен-

ные силы Патрисией Шилдс. Теории о разнообразии в обществе, выдвинутые Уильямом Дюбуа, были доработаны и применены к вооруженным силам Чарльзом Москосом и его коллегами-социологами. Вклад Рэндалла Коллинза и Майкла Липски помог использовать теории Ирвинга Гофмана в военных исследованиях. Работа Кристофера Дандекера выявила роль трудов Мишеля Фуко и Макса Вебера для анализа вызовов, стоящих сегодня перед силовыми структурами. Следуя по стопам Арли Рассел Хокшилд, Эяль Бен-Ари вынес на повестку вопрос об эмоциях в вооруженных силах. Многие американские социологи, включая Джеймса Берка и Дэвида Сигала, продолжают расширять вклад Морриса Яновица в военные исследования. И это лишь небольшая часть подобных случаев. В книге представлены и другие, более современные примеры, а также теоретические идеи в дополнение к тем, которые выдвигали вышеназванные авторы.

Далее в книге по очереди будут представлены к обсуждению разные авторы и их труды. Каждому автору будет посвящена отдельная глава. Порядок представления почти полностью хронологический, за исключением того случая, когда я предпочел сначала поговорить о Максе Вебере, а потом о Карле Марксе, хотя хронологически порядок обратный.

Главы книги дают бесчисленное множество идей, теорий и эмпирических исследований, которые поначалу, возможно, покажутся чрезмерными и даже дезориентирующими. Темы варьируются от военной бюрократии и военной музыки до

связей в первичных группах, от вопросов сохранения мира, расовых и гендерных проблем, военных стилей управления до эмоций в вооруженных силах и влияния науки и техники. И это только малая часть. Подзаголовки глав обрисовывают диапазон освещаемых тем. Постепенно разные авторы начинают «говорить друг с другом». Несмотря на отличия, у ученых-основателей много общих идей и наработок. Более молодые авторы часто развивают идеи старших коллег, выводя общие устойчивые закономерности, менее очевидные в самом начале.

Многие примеры, истории и иллюстрации представлены в книге либо непосредственно в тексте, либо на серых вкладках¹, сопровождающих основной текст. Социологические теории склонны к абстрактности. На мой взгляд, их можно понять, только постоянно перемежая теорию с практикой и реальной жизнью. Примеры, приводимые в качестве иллюстраций, взяты со всего мира, как из истории, так и из сегодняшних дней. Поскольку социологию нельзя рассматривать слишком узко, в книгу также включены авторы, известные как антропологи или политологи. Полагаю, что социология, антропология и политология относятся к одной большой научной семье.

Должен признать, что предлагаемые здесь результаты социологических исследований принадлежат перу в основ-

¹ Серые вкладки присутствуют в бумажном варианте книги. В электронном издании они оформлены курсивом с отбивкой. – (Примеч. ред.)

ном западноевропейских или американских авторов. На этих континентах социология получила свое первоначальное развитие, сначала в Европе, а затем и в США. Эти регионы и по сей день продолжают занимать доминирующее положение в социологических исследованиях, в том числе и в военной социологии, что дается немалой ценой [Obraztsov, 2019]. Поэтому некоторые ученые говорят о необходимости развивать так называемые взаимосвязанные социологии (“connected sociologies”), где теоретические категории будут переосмыслены для «создания нового понимания, которое будет включать в себя и преобразовывать предыдущие» [Bhambra, Santos, 2017: 6].

Считается, что такой расширенный подход, уделяющий намного больше внимания событиям на «мировом Юге» и Востоке, не просто добавит что-то к нашим знаниям, но на самом деле трансформирует их. Добавление или трансформация – это вопрос терминологический, но, определенно, эта книга носит северо-западно-центричный характер. И хотя здесь есть несколько исследований и соображений, в которых внимание уделяется другим частям света, в будущем мы хотели бы расширить наше понимание вооруженных сил, выходя за пределы «Запада», включающего в себя в основном Европу, США, Израиль, Канаду, Австралию и т. п.

В случаях, когда тексты, легшие в основу книги, были изначально написаны не на английском, а на французском, немецком, нидерландском или испанском языках, использо-

вались их переводы на английский с указанием даты публикации оригинала. Однако найти такие переводы не всегда было возможно.

Библиография

Adler, P.S. (ed.) (2009) *The Oxford Handbook of Sociology and Organization Studies: Classical Foundations*. Oxford: Oxford University Press.

Adler, P.S., P. Du Gay, G. Morgan and M. Reed (eds) (2014) *The Oxford Handbook of Sociology, Social Theory and Organization Studies: Contemporary Currents*. Oxford: Oxford University Press.

Aron, R. (1989 [1967]) *Main Currents in Sociological Thought*. 2 vols. New York: Anchor Books Doubleday.

Bhambra, G.K. and B. de Sousa Santos (2017) «Introduction: global challenges for sociology». *Sociology*. 51(1): 3—10.

Boëne, B. (1995) *Conditions d'émergence et de développement d'une sociologie spécialisée: le cas de la sociologie militaire aux Etats-Unis*. Ph.D. thesis, University of Paris V René Descartes.

Caforio, G. (2003) «Some historical notes». In G. Caforio (ed.) *Handbook of the Sociology of the Military*. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers, pp. 7—26.

Caforio, G. (ed.) (2018) *Handbook of the Sociology of the Military*. Cham, Switzerland: Springer.

Carlton-Ford, S. and M. Ender (2013) *The Routledge*

Handbook of War and Society: Iraq and Afghanistan. London and New York: Routledge.

Coser, L. (1977) *Masters of Sociological Thought. Ideas in Historical and Social Context*. Second Edition. Long Grove, IL: Waveland Press.

Dandeker, Chr. (1990) *Surveillance, Power and Modernity: Bureaucracy and Discipline from 1700 to the Present Day*. Cambridge: Polity Press.

De Jong, M. (2007) *Icons of Sociology*. Amsterdam: Boom.

Giddens, A. (1971) *Capitalism and Modern Social Theory: An Analysis of the Writings of Marx, Durkheim and Max Weber*. Cambridge: Cambridge University Press.

Giddens, A. and Ph. W. Sutton (2013) *Sociology*. 7th edn. Cambridge: Polity Press.

Joas, H. and W. Knöbl (2013 [2008]) *War in Social Thought: Hobbes to the Present*. Princeton NJ and Oxford: Princeton University Press.

Kümmel, G. and A. Prüfert (eds) (2000) *Military Sociology: The Richness of a Discipline*. Baden-Baden, Germany: Nomos Verlagsgesellschaft.

Levine, D.N. (1995) *Visions of the Sociological Tradition*. Chicago and London: University of Chicago Press.

Malešević, S. (2010a) *The Sociology of War and Violence*. Cambridge: Cambridge University Press.

Malešević, S. (2010b) «How pacifist were the founding fathers? War and violence in classical sociology». *European*

Journal of Social Theory. 13(2): 193–212.

Mann, M. (2012 [1986]) *The Sources of Social Power*. Volume 1. Cambridge: Cambridge University Press.

Mannheim, K. (1940) *Man and Society in an Age of Reconstruction*. *Studies in Modern Social Structure*. London: Routledge.

Nisbet, R.A. (1976) *The Sociological Tradition*. London: Heinemann.

Obraztsov, I.V. (2019) «The institutionalization of military sociology: the Russian path of gains and losses». *Journal of Political and Military Sociology*. 46(1): 124–163.

Ritzer, G. (1998) *The McDonaldization Thesis: Explorations and Extensions*. London: Sage.

Segal, D. and J. Burk (eds) (2012) *Military Sociology*. 4 vols. Thousand Oaks, CA: Sage.

Stinchcombe, A.L. (1982) «Should sociologists forget their mothers and fathers?» *The American Sociologist*. 17(February): 2—11.

Turner, J.H. (1991) *The Structure of Sociological Theory*. Belmont, CA: Wadsworth.

Глава 1. Макс Вебер: Бюрократия, лидерство и военная музыка

Немецкий ученый Макс Вебер (1864–1920) – один из наиболее широко известных основателей социологии, чей вклад в эту дисциплину сложно переоценить. Чего стоит один только труд по социологии религии, который стал кульминацией его теории о влиянии протестантской этики на развитие западного капитализма. Конечно, были у него и другие работы по исследованию религий, особенно иудаизма и ислама, давшие расширенный материал для сопоставлений и его теории.

Проводя широкую историко-социологическую систематизацию, Вебер делал акцент на роли государства в монополизации легитимного господства над территорией. Он подчеркивал значение вооруженных сил в формировании государств. Эта идея впоследствии развивалась во многих других социологических исследованиях (см. например, [Tilly, 1992; Joas, Knöbl, 2013]). Работы Вебера изобилуют наблюдениями, которые относятся к вооруженным силам. Вероятно, этому способствовала его собственная служба в армии в девятнадцатилетнем возрасте – период, который не приешлся ему по душе [Kaube, 2015: 73–74]. Веберовское видение формирования государства позволило социологу Рэндаллу Коллинзу еще в начале 1980-х годов, то есть за несколько

лет до реального события, предсказать распад Советского Союза. Прогноз был основан на идее чрезмерно растянутых границ, приводящих вооруженные силы к нерешаемым логистическим проблемам. Он был встречен серьезным недоверием и критикой со стороны международных и военных экспертов того времени [Collins, 1995]. Однако в этой книге мы увидим, что социологические наблюдения и прогнозы нередко вызывают раздражение, недоверие и отрицание. Социология часто противопоставляет здравому смыслу критический анализ, обращая внимание на что-то неожиданное и непредсказуемое [Portes, 2000]. И это действительно не может не раздражать.

Наряду с работой макросоциологического характера, Вебер внес весомый вклад в разработку методологических вопросов. Например, говоря об *осмысленном понимании* (*sinnhaft Verstehen*), он подчеркивал необходимость пытаться понять действия людей, а не просто наблюдать за ними или вести подсчеты. Также Вебер занимался разработкой так называемого *идеального типа*, одним из проявлений которого является *бюрократия* (см., например, [Coser, 1977]). С этого мы и начнем нашу дискуссию о важности работ Вебера для изучения военной институции. А закончим мы ее на неожиданной ноте – военной музыке.

Бюрократия

Труд Вебера по теории бюрократии оказал большое влияние на организационные исследования, в особенности на военные исследования. Хотя некоторые ученые утверждают обратное [Lounsbury, Carberry, 2005], вклад Вебера бесценен [Du Gay, 2000; Shields, 2003]. Бюрократия как организованная форма человеческой деятельности развивалась веками. Она уходит своими корнями во времена Римской империи, Древнего Египта и даже глубже в историю. Она олицетворяет непрерывную рационализацию организованной социальной жизни сквозь века. Она являет собой и средство воплощения «голой силы», то есть возможности полностью доминировать над окружающими, заставляя их выполнять указания даже вопреки собственным потребностям, желаниям и благополучию. Бюрократия идет путем хорошо прописанных правовых механизмов и организационной практики. В начале XX в. Макс Вебер первым провел системный анализ элементов и характеристик бюрократии, основываясь на ее инструментальной рациональности и стандартизации.

Веберу потребовалась лишь пара страниц, чтобы доказать, что бюрократия – это идеальный тип, то есть теоретический конструкт в чистой форме, который извлекает из социального феномена существенные элементы, возможно, никогда и не присутствовавшие как таковые в реальной жизни.

ни [Gerth, Wright Mills, 2009: 196–204; Weber, 1976 (1914): 124–130]. Этот идеальный тип применим как к государственной, так и к деловой бюрократии. Выделены ее существенные характеристики:

- твердое, устойчивое и усовершенствованное разделение труда и обязанностей;
- иерархически организованные должности;
- официальные правила, постановления и методы работы;
- фиксированная заработная плата и карьерные возможности;
- назначение и продвижение госслужащих на основании их образовательных квалификаций и предыдущего опыта работы (заслуг).

Другие особые характеристики, такие как раса, вероисповедание, семейное положение и происхождение работника, не играют или не должны играть роли при его найме на работу или при продвижении по службе. В дополнение к этому работники защищены законом, нормами и правилами от внешнего воздействия, а также от руководства, на которое они работают. Отношение ко всем сотрудникам равное, а карьерный рост зависит от стажа работы и достижений или того и другого совместно. Существует обязательный выход на пенсию, предполагающий тем самым, что все сотрудники занимают должности в организации только ограниченный период времени. Кроме того, нет никаких внеорганизационных прерогатив, связанных с должностью, которую занима-

ют сотрудники или их руководители (die Herren). Работники лично свободны и должны подчиняться своему руководству только в отношении своих бюрократических обязательств [Perrow, 1972: 4; Dandeker, 1990: 9]. В завершение, работники не владеют никакими ресурсами, которые принадлежат бюрократии, то есть они не могут использовать организационные ресурсы в своих собственных целях. Если же они сделают это, то будут уволены и/или арестованы.

Это отличается от патримониальных или добюрократических организаций, в которых слуги находятся «в распоряжении» лидера, и задачи, положение и вознаграждение, иногда в натуральной форме, могут все время изменяться в зависимости от взглядов и настроений этого лидера. Наиболее важно то, что слуги получают свое положение в зависимости от связей с правящей элитой и вне зависимости или в несильной зависимости от профессиональных квалификаций и заслуг. Эти связи могут быть региональными, религиозными, политическими, племенными, семейными, языковыми или их комбинациями.

Все это очень хорошо применимо и к военным организациям. Западные военные организации на различных стадиях их развития можно охарактеризовать как образцовые бюрократии: процедуры и отработка функциональных обязанностей максимально четко прописаны, рационализированы, стандартизированы и, следовательно, обезличены. Они коллективно передаются вновь нанятым мужчинам и жен-

щинам, чье жалование зависит от объективных критериев, связанных с их квалификациями и заслугами. Точно так же повышение по службе происходит по четко описанным схемам, подразумевающим, что карьерный путь понятен каждому и тоже основан на обладании определенной квалификацией и заслугами.

Вебер одним из первых указал на огромное влияние дисциплины как источника военного превосходства, превышающего даже влияние технологических инноваций в довеберовскую эру [Gerth, Wright Mills, 2009: 255–261]. Дисциплинированное поведение войск, перемещающихся и действующих в точном соответствии с предписаниями, полученными во время учений, оказывалось решающим фактором на поле боя. Греческие фаланги и римские легионы античности и более поздние примеры, такие как нидерландская армия под командованием Морица Оранского² или зулусское войско Чаки³ в Африке, ясно продемонстрировали роль и значение военной дисциплины как ключевого элемента в военной бюрократической организации. Интерпретированная

² Мориц Оранский (Нассауский) (Maurits van Oranje; 1567–1625), штатгальтер (правитель) нидерландских территорий (1585–1625), основоположник новой тактической школы и полевого военного искусства, военный реформатор, инициатор борьбы за независимость Нидерландов. (Примеч. ред.)

³ Чака (Шака) ка-Сензаагакона (Shaka kaSenzangakhona; 1787–1828), основатель и первый правитель (инкоси) Страны Зулу (КваЗулу) (1816–1828), располагавшейся на территории современной провинции ЮАР Квазулу-Натап. (Примеч. ред.)

Кингом «коллективная виртуозность» сегодняшних боевых пехотных подразделений [King, 2013] также подтверждает справедливость этого положения.

Помимо дисциплины, техники, боевой и строевой подготовки все более и более важную роль в принятии оперативных решений и поведении в военных бюрократических системах играют соображения юридического характера. Сегодня юрисконсульт в военных операциях зачастую воспринимается как самый важный офицер после командира. Любое оперативное решение может и должно оцениваться с юридической точки зрения как до начала, так и после окончания миссии или операции. Акцент на закон на государственном уровне и руководящие положения на уровне организации – неотъемлемая часть концепции бюрократии Вебера. И это неудивительно, так как ученый получил юридическое образование.

Бюрократическая организационная система оттачивалась веками. Ее задача – обеспечить предсказуемость, рациональность, измеримость и защиту от произвола власть имущих, особенно сотрудникам организации и тем, кого затрагивает поведение государства или, в случае с военными, насилие со стороны государства. У бюрократической системы есть четкие преимущества. Например, если военный «слетел с катушек», произошло бесконтрольное насилие, ситуация будет решаться по закону. С этой точки зрения нельзя не похвалить «бюрократический этос» [Du Gay, 2000]. С другой сто-

роны, система лежит в основе того, что Ритцер [Ritzer, 1993] назвал «макдональдизацией», то есть повсеместным присутствием бюрократических организаций в современных обществах.

Американский социолог Мортен Эндер использовал эту идею в своих размышлениях о том, были ли американские солдаты, отправленные в Ирак, «максолдатами» или профессионалами-новаторами. В итоге он пришел к выводу, что американские солдаты колебались между двумя состояниями: зависимых максолдат, бесконечно отрабатывающих заученную технику и порядок действий, и акторами-новаторами, принимающими свои собственные решения более или менее независимо в боевой ситуации [Ender, 2009: 153].

Один только этот вывод уже говорит о том, что у послушания есть свои недостатки. Не всегда хорошо следовать бюрократическим предписаниям, поскольку последствия могут оказаться негативными в долгосрочной перспективе. Бауман [Bauman, 1989] утверждал, что Холокост с его отработанной организационной цепочкой разведывательного, административного, транспортно-логистического характера и, наконец, военными лагерями смерти никогда не случился бы без «логики» рациональной бюрократической организации (см. также [Soeters, 2005]). Каждый человек, каждое подразделение, каждая организация внутри этой машины (или оказывавшая поддержку этой машине извне) знали, что делать, и выполняли это. Причем, действуя так, никто, как правило,

не осознавал полностью или не чувствовал свою ответственность за вклад, который вносил в достижение конечного результата – геноцида миллионов людей.

Транспортировка около ста тысяч нидерландских евреев из разных городов в нацистские лагеря смерти во время Второй мировой войны оказалась возможной при содействии многих. Во-первых, этому содействовали служащие муниципалитетов нидерландских городов, предоставляя имена и адреса, во-вторых, нидерландская городская полиция (вместе с нацистской полицией и активистами), которая потребовала, чтобы эти граждане покинули свои жилища. В третьих, нидерландская железнодорожная организация, предоставившая транспорт до двух промежуточных лагерей в стране, которые, в свою очередь, были построены обычными строительными компаниями и снабжались местными пекарнями, бакалейными лавками и фермерами. Каждый внес свою лепту, но никто не нес ответственность и не чувствовал ее за то, что происходило потом, в далекой Германии и Польше. Эта интерпретация не бесспорна, но она совершенно точно указывает на возможную «иррациональность бюрократической рациональности».

Однако, похоже, такая интерпретация касается не только понимания Холокоста. Она и сегодня может помочь в понимании многого из того, что относится к ответственности за использование высокотехнологичных устройств, таких как беспилотники, дроны или боевые роботы в кровопролитных

конфликтах. Самые разные люди вовлечены в использование этих устройств: поставщики, метеорологи, инженеры по техобслуживанию, планировщики цели, офицеры разведывательной службы, командиры и операторы. Учитывая тщательно продуманное разделение труда, каждый человек отвечает только за один (небольшой) аспект всей операционной машины. Но кто будет нести ответственность, если дрон промахнется и снаряд вместо цели попадет в десятки или сотни невинных людей, унеся с собой их жизни?

Этот вопрос вписывается в общую тенденцию, наблюдаемую в вооруженных силах: все более масштабную разработку, регулирование и стандартизацию ведения войны и боевых действий [King, 2013]. В книге мы еще не столкнемся с этим явлением. Пока достаточно просто указать на это обстоятельство, которое Малешевич охарактеризовал как «совокупную бюрократизацию применения силы» [Malešević, 2010: 221]. Как уже говорилось, это обстоятельство несет в себе один огромный вопрос: если все просто следуют правилам и указаниям, если все оттачивают технику и приемы, которым бесконечно обучались, кто несет ответственность за возможные неудачи? Кто отвечает за действия чересчур забюрократизированных военных организаций?

На другой стороне континуума (см. рис. 1.1) располагаются сегодняшние незападные вооруженные силы африканских стран или Афганистана, которые часто воспринимаются как патримониальные или добюрократические организа-

ции. Такие военные организации можно назвать «недобюрокра­тизированными», потому что они основаны на разно­го рода протекционистском и кумовском укомплектовании кадровым составом. В них племенные, этнические, религи­озные или политические связи более важны в принятии ре­шений о найме сотрудников, чем умения и компетенции. Можно поспорить, что в таких вооруженных силах полити­ка берет верх над рациональностью организации. Получить должность благодаря принадлежности к группе лидера более важно, чем просто знать свое дело, свою работу. Кадровый состав в таких вооруженных силах демонстрирует особую преданность правящей элите. По словам Перроу, «в боль­шинстве случаев обмен компетенций на преданность отве­чает интересам руководителей» [Perrow, 1972: 15].

Рис. 1.1 Континуум бюрократической организации и на­силия

Отсутствие в таких вооруженных силах официального и юридически оформленного процесса комплектования личным составом и процедур оценки его деятельности, а также ясных карьерных перспектив и фиксированного жалования, скорее всего, пагубно сказывается на эффективности военных результатов, по крайней мере в глазах Запада (см., например, [Davids, Soeters, 2009; Erikson Baaz, Verweijen, 2013]).

Большой вклад в раскрытие этого вопроса внесла К. Талмадж [Talmadge, 2015]. Она убедительно продемонстрировала, что вооруженные силы, личный состав которых нацелен в первую очередь на предотвращение государственного переворота внутри страны и защиту находящегося у власти режима, менее эффективны на поле боя по сравнению с теми, чей состав и комплектование основываются только на военных профессиональных критериях, то есть квалификациях и заслугах. Она иллюстрирует свои выводы двумя следующими примерами: сравнение армии Северного Вьетнама с армией Южного Вьетнама и сравнение вооруженных сил режима Саддама Хуссейна в Ираке с вооруженными силами Ирана. Строя свой анализ на этих сопоставлениях, она приходит к выводу, что поражение армии Южного Вьетнама, несмотря на весомую поддержку США, стало следствием провала методов обычной войны ввиду того, что в этой организации доминировали методы, направленные на защиту от внутреннего переворота. Вьетконг же, наоборот, не подвер-

гался риску переворотов и значительно более успешно перенял методы ведения обычной войны. Что касается сравнения Ирана и Ирака, оказалось, что и те, и другие вооруженные силы плохо проявили себя, когда были вовлечены в действия по защите от внутреннего переворота. Когда же этого не было, итоги их военных действий были заметно лучше [Talmadge, 2015: 8—11].

Работа Хаддада и его коллег [Haddad, 2015], посвященная анализу вооруженных сил арабских государств, также указывает на различные результаты их противодействия протестным движениям во время так называемой арабской весны. Вооруженные силы арабских стран присягали на верность либо государству, либо правящему режиму, что указывает на различие между бюрократическими и патримониальными, или добюрократическими, вооруженными силами.

Еще одна большая проблема с добюрократическими вооруженными силами, личный состав которых пополняется на основании связей с правящей элитой, заключается в том, что во внутренних конфликтах они склонны выступать против оппозиционных правящей элите групп и сил. Это так называемая проблема гражданской службы, которая практически всегда провоцирует начало и подогревает продолжение гражданских войн. В этих случаях военные становятся частью проблемы, а не решения. Примеров тому множество: пробританский состав сил безопасности в Северной Ирландии усугубил противоречия между враждующими группами

населения; полиция в Индии с подавляющим большинством немусульманских служащих часто критикуется за нападения на граждан-мусульман; сербы доминировали в силах безопасности бывшей Югославии; в Боливии офицеры европейского происхождения отдавали приказы солдатам-призывникам из числа коренного населения стрелять в своих соплеменников, протестовавших на улицах. Более недавний пример: в Ираке основанное на религиозных предпочтениях пополнение вооруженных сил кадровым составом после ухода из страны американцев породило всплеск боевых действий. В африканских конфликтах эта проблема возникает постоянно. Снова и снова проблема госслужбы вызывает недовольство [Horowitz, 1985; Soeters, 2005: 24–26].

Несомненно, эти различия нельзя воспринимать как черное и белое, и их границы постоянно изменяются. К тому же некоторая критика звучала и в адрес западной бюрократии (см., например, [Crozier, 1964; Perrow, 1972; Masuch, 1985]). Слишком строгое регулирование (канцелярщина, крючкотворство), управление путем принуждения, обрядность, «вышколенная некомпетентность», чрезмерный конформизм, подмена целей и слишком небольшой обмен информацией внутри организации как по вертикали, так и по горизонтали, могут быть следствиями раздутой бюрократической организации. Мертон [Merton, 1968] полагает, что все это во многих ситуациях затрудняет эффективную работу бюрократии. Вполне объяснимо, что порочные послед-

ствия всех этих явлений, например введение новых правил для обеспечения соблюдения старых, только ухудшит положение дел. Такие бюрократические процессы применимы и к вооруженным силам Запада [Davis, 1948; Feld, 1959], и это получило отражение в широко известных художественных произведениях. Из тех, которые наиболее на слуху, можно назвать «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» [Hašek, 1973 (1923)] и «Уловка-22» [Heller, 2004 (1955)].

Подобная критика привела в последнее время к развитию новых вариантов бюрократии, таких как «разрешающая бюрократия» или «постбюрократия», призванных заменить старую «принуждающую» бюрократию (см., например, [Adler, Bogys, 1996]). Элементами этих новых форм (военной) бюрократии можно назвать менее авторитарное управление, меньшее количество «плохих правил» и рост самоуправления в форме командования, ориентирования на миссию. Еще в 1959 г. Моррис Яновиц отмечал назревшую в вооруженных силах необходимость изменить свою бюрократическую организационную структуру управления, в которой было бы меньше доминирования более высоких рангов, с соответствующими изменениями во всей военной иерархии [Janowitz, 1959].

Амбидекстрия в армии

Один из новых элементов военной организации – рост количества задач, которые ставят перед вооруженными силами. Традиционный бой уже давно не основная и тем более не единственная задача, стоящая перед ними. Вооруженные силы должны действовать в ситуациях кризиса и катастроф, восстановления и миротворчества, на спецзаданиях по преследованию террористов, в новых сферах, таких как кибер- и космическая безопасность и проведение беспилотных операций. Такое расширение круга задач обусловлено тем, с чем сегодня сталкиваются все организации. Это необходимость отвечать на новые и растущие требования, давление и инновации окружающего мира. Сделать это можно, комбинируя эксплуатацию (выполнение обычных задач) и исследование (нахождение путей решения новых задач). Организациям надо быть амбидекстрами, одинаково хорошо владеющими правой и левой руками [Shields, Travis, 2017].

С новыми требованиями можно справиться двумя способами: создавать новые подразделения и специальности в организации – это повышает степень структурной дифференциации, или готовить и тренировать обычные подразделения и специалистов для выполнения множественных

ролей. В организационных исследованиях это называется структурной и контекстуальной амбидекстрией, соответственно. И хотя структурная амбидекстрия – это обычный бюрократический рефлекс, а контекстуальная амбидекстрия часто воспринимается как что-то неестественное, создание новых подразделений и специальностей сопряжено с определенными недостатками: снижается гибкость организаций, разгораются битвы за сферы влияния и споры за бюджет и человеческие ресурсы. Одно из исследований продемонстрировало, что увеличение численности спецслужб в современных вооруженных силах было вызвано не только внешними событиями, но также военным лобби⁴ и динамикой внутренней конкуренции, следствием чего стала неприязнь или институциональная враждебность между спецслужбами и обычными воинскими подразделениями [Shamir, Ben-Ari, 2016].

Конечно, кто-то, возможно, скажет, что эти нововведения ненамного улучшают армию и что *stahlhartes Gehäuse*⁵ рационализации Вебера остается все той же «железной клеткой» [Barker, 1993]. Однако эти новые формы все же могут быть настоящими улучшениями, поскольку основная часть населения, из которой отбираются новобранцы, становится

⁴ Дословно: «люди внутри вооруженных сил, которые полны инициатив и действий, направленных на получение большего бюджета, рабочей силы и других ресурсов». (Примеч. пер.)

⁵ *Stahlhartes Gehäuse* (нем.) – железная клетка. (Примеч. пер.)

более образованной. А более образованные новобранцы уже не терпят давления со стороны старой бюрократии.

Тем не менее у современных военных бюрократий есть проблемы. Одна из них заключается в том, что западные силы тоже могут быть подвержены разным формам кумовства. Похоже, сегодняшние военные бюрократии в западном полушарии до сих пор сохраняют некоторые аспекты патримонильных организаций. Будучи другом или родственником начальника, вы можете получить должность или повышение. Нельзя утверждать, что таких тенденций нет в сегодняшних западных службах безопасности. Изучение традиций французской Специальной военной школы Сен-Сир⁶ доказало важность принадлежности к военной офицерской семье [Weber, 2012: 194]. Еще одно британское исследование [MacDonald, 2004] также продемонстрировало, что окончание «элитной» военной школы или академии до сих пор может способствовать получению более высокой должности в вооруженных силах.

В некоторых развивающихся странах, наоборот, патримонильные военные организации часто испытывают международное давление или влияние демократических тенденций в собственном обществе, призывающее их стать более рационально, бюрократически организованными силами. Так или иначе, проявляется конвергенция или, как говорят организационные социологи, «изоморфизм». Именно это ста-

⁶ École spéciale militaire de Saint-Cyr (фр.). (Примеч. пер.)

новится целью западных армий, когда они получают задание реструктурировать и обучить вооруженные силы развивающихся стран, например стран Африки, Ближнего Востока, Латинской Америки. Иногда это дает удовлетворительные результаты, иногда нет.

Господство (авторитет) и лидерство

С бюрократией связан вопрос легитимного, то есть подержанного, одобренного и законодательно установленного лидерства и господства. Такое господство идет в противовес принуждению, «голой силе», которая выражается в способности доминировать над другими даже за счет их собственного благополучия или его поддержания. Согласно Веберу, существуют три типа такого легитимного господства [Weber, 1976: 130]. Первый – традиционное господство, доминирующее в патримониальных организациях, где лидер по умолчанию принадлежит к авторитетному и правящему объединению, то есть племени, региону или религиозной группе. Две характерные формы такого господства: патриархализм и патримониализм. Вместе с традиционным господством Вебер различает легальное и харизматическое господство [Giddens, 1971: 154–163].

Рационально-легальное господство бытует в бюрократических организациях, поскольку оно основано на безличных стандартизованных правилах, нормах и положениях, сформулированных в контексте целенаправленной или ценностной рациональности. Рационально-легальное господство дается человеку, который заслужил эту работу выдающимися результатами своей предыдущей деятельности и достиг достойных результатов в рационализированной подготовке и

обучении. Сами легальные лидеры тоже должны подчиняться безличным правилам, поскольку эти правила стандартизированы и, следовательно, применяются ко всем. При рационально-легальном господстве законы, правила и положения более важны, чем сами лидеры.

Харизматическое господство (или лидерство, как сейчас говорят) – это, напротив, творческая движущая сила, во многом основанная на необычных сверхъестественных качествах, которые окружающие приписывают руководителю [Gerth, Wright Mills, 2009: 245–252]. Соответственно, харизматическое господство возникает во взаимодействии лидера и последователей, как в революционных и религиозных движениях. Оно может появиться где угодно в мире в разных ситуациях, как говорится, от пророка Мухаммеда до Карла Маркса. В отличие от рационально-легального харизматическое господство не основывается на рациональных принципах. С веберовской точки зрения оно, по сути, не рационально и в связи с растущей рационализацией общества больше относится к прошлому, нежели к настоящему: «чем глубже в историю мы заглядываем, тем больше мы находим его [лидерство, основанное на харизме]» [Gerth, Wright Mills, 2009: 245].

Харизматическое господство загадочно, обольстительно и обворожительно, но беспорядочно и иногда даже проблематично. Сам Вебер со скептицизмом отмечал, «что приписывание харизмы включает в себя также и ошибочное отнесе-

ние сверхъестественных и необычных сил людям, склонным к „эпилептическим припадкам“ <...>, тем, кто просто доработался до „кровожадного неистовства“, или тем, кто хитроумно смог повернуть „мошенничество“» [цит. по: Joosse, 2014: 274]. Последователи поклоняются своим лидерам и фантазируют о них, но также и боятся их устрашающе-жуткого вида. вспомните, например, Адольфа Гитлера. Очарование и страх связаны в большей мере, чем это может показаться на первый взгляд. Харизматическое господство даже легче, чем традиционное и рационально-легальное, может превратиться в «голую силу», как история наглядно проиллюстрировала примерами германского фюрера и советского лидера Сталина.

В плоскости современного насилия и конфликта до сих пор можно встретить этот тип лидерства, особенно в ожесточенных политических движениях, таких как Исламское государство⁷ или мафиозные криминальные группировки, участвующие в торговле людьми или наркотиками. Усама бен Ладен, например, определенно был харизматичным лидером, чья привлекательность только усиливалась с его появлением в СМИ и интернете. Сегодняшние харизматичные джихадистские проповедники ненависти следуют его примеру и становятся влиятельными благодаря своему присутствию в социальных сетях.

⁷ Исламское государство (ИГ) – запрещенная в России террористическая организация. (Примеч. ред.)

Примечательно, что командующие западными бюрократическими вооруженными силами иногда тоже воспринимаются как харизматичные лидеры благодаря своим коммуникативным навыкам и убедительности в действии. Это уходит корнями к веберовским *charismatische Kriegshelde* («харизматичным героям войны») древности, когда военное чрезвычайное положение было частью повседневной жизни (см., например, [Moelker 2003]). Однако харизма некоторых современных военачальников непременно смешивается с рационально-легальным авторитетом, поскольку современные бюрократии не выносят ничего, кроме административных аргументов, основанных на законе и регламенте. В сегодняшних военных бюрократиях харизма неизбежно заштамповывается и встраивается в рационально-легальные практики. Военные решения, принимаемые врачами, профессорами и бухгалтерами, все больше и больше нуждаются в рациональном обосновании и подтверждении предыдущим опытом и доказательствами. Лидерству нужно развиваться от формы, основанной на авторитете, к форме доказательной.

Тем не менее использование современными военными лидерами широкого спектра коммуникативных средств, основанных на креативной интуиции и *Fingerspitzengefühl*⁸, заряжает энергией, удовлетворяет потребности и поддерживает

⁸ *Fingerspitzengefühl* (нем.) – дословно: «осознание в кончиках пальцев», проницательность. (Примеч. пер.).

уверенность их последователей из числа простых смертных. Благодаря таким особенностям поведения харизматичные руководители приобретают репутацию и известность. Примеров тому множество. Да, идет вечный спор относительно того, что представляет собой настоящее военное качество и что делает великого лидера таковым. Генерал Стэнли Маккристал⁹ пользовался большим уважением до того, как ему пришлось уйти в отставку. Очевидно, есть пределы харизматичному лидерству в вооруженных силах, как и демонстрировалось эмпирическими социологическими исследованиями [Shamir et al., 1998]. Поскольку харизматичное лидерство тоже может быть запугивающим (исследования выявляли элементы деструктивного лидерства среди высших военных руководителей) [Reed, Bullis, 2009]. Очарование, как правило, обычно рассеивается. Совершенно точно харизматичное лидерство неустойчиво, как не уставал повторять Вебер [Gerth, Wright Mills, 2009: 248–250].

Дилеммы военного лидерства

Господство и пределы лидерства можно наглядно проиллюстрировать на примере одного выступления

⁹ Маккристал Стэнли (Stanley A. McChrystal; род. 1954) – американский (четырёхзвездный) генерал (2009). Начальник управления специальных операций / главнокомандующий войсками специальных операций США (2003–2008), командующий Международными силами содействия безопасности в Афганистане (ISAF) (2009–2010). С 2010 г. в отставке. (Примеч. ред.)

командующего национальными военно-воздушными силами перед небольшой группой офицеров среднего звена. Командующий сообщил офицерам, что министр обороны страны обратилась к нему с просьбой продлить участие военно-воздушных сил в миссии ООН. Далее он шутя и с сарказмом высказался о неприоритетной важности ООН и министра иностранных дел, который ценит миссии ООН. Офицеры ловили каждое слово. Командующий сказал, что обдумал эту просьбу и после определенных размышлений пришел к выводу, что его служба больше не может продолжать свое участие в миссии. Его интуиция и опыт подсказывали ему, что военно-воздушные силы уже сделали слишком много. «Растяжимость моей организации уже перешла все пределы», – пояснил он, проиллюстрировав это широким жестом. Он довел свое видение до сведения правительства. К раздражению командующего, министр не приняла этот ответ и поручила другому подразделению проработать все варианты продления операций. В итоге она приняла решение продлить миссию, включая участие в ней военно-воздушных сил. Какое-то время командующий в гневе думал подать в отставку, но в конечном счете решил этого не делать. И этот пример не исключение. Военная история знает множество случаев индивидуального неповиновения высокопоставленных офицеров, многие из которых привели к серьезным последствиям, сказавшимся как на военной, так и на политической ситуации [Hundman,

Parkinson, 2019]. Военное лидерство определено сопряжено с дилеммами.

Считалось, что наряду с этими тремя хорошо известными типами господства необходимо выделить и четвертый, который можно назвать субстантивно-рациональным [Guzmán, 2015]. Этот четвертый тип основан на ценностной, а не на формальной бюрократической («здесь такие правила и порядки») рациональности. Ценностная рациональность, в свою очередь, демонстрирует более широкую общую и научную точку зрения. Хорошим примером здесь может быть король-философ Платона¹⁰ или военные командиры, которые полагаются на более широкий подход к насилию и конфликту.

Генерал армии США Дэвид Петреус¹¹ по-новому подошел к миссии в Ираке, разработав и внедрив так называемые красные команды, состоявшие из выдающихся интеллектуалов и нонконформистов, подвергавших сомнению планы, идеи и соображения военных. Однако нельзя сказать, что эти команды ждал ошеломляющий успех, поскольку на своем пути они столкнулись с препонами и сопротивлением: в ар-

¹⁰ Король-философ – согласно Платону («Республика»), правитель утопического города Каллиполис, который обладает как любовью к мудрости, так и умом, надежностью и готовностью жить как простой гражданин. (Примеч. ред.)

¹¹ Дэвид Петреус (David Howell Petraeus; род. 1952) – американский (четырёхзвездный) генерал (2007). Командующий Центральным командованием США (2008–2010), командующий силами США и НАТО в Афганистане (2010–2011), директор ЦРУ (2011–2012). С 2012 г. в отставке. (Примеч. ред.)

мии не привыкли к такому зондированию приказов, планов и идей, особенно если они исходят от высшего офицерского состава [Hajjar, 2014: 131]. Как и в случае с остальными типами легитимного лидерства, у успеха и эффективности четвертого типа есть свои пределы и ограничения.

Тем не менее сегодняшние армии претерпели такие изменения, благодаря которым военное лидерство стало менее индивидуальным и более коллективным делом, так что сотрудничество в процессе принятия решений становится все более важным [King, 2019]. При таком совместном подходе сильные и слабые стороны каждого командира могут быть сбалансированы умениями и личными качествами других лидеров. Командное лидерство оказывается более эффективным, чем авторитарное.

Музыка

Последнее и на первый взгляд менее существенное, о чем Вебер писал в отношении вооруженных сил, это музыка [Weber, 2010 (1911/1912)]. В своей жизни Вебер сочетал любовь к музыке с одной из основных тем своей социологической работы – рационализацией организованной социальной жизни. Он считал, что главным двигателем эволюции церковной и классической музыки, такой как опера, была бюрократизация и рационализация. Развитие нотных систем, структурированной гармонии, организованных хоров, ансамблей, оркестров и стандартизованного производства современных инструментов стало возможным благодаря этим общественным процессам. Из всех форм музыкального выражения самой бюрократизированной формой выступления является оркестр под руководством дирижера. Вебер считал, что даже «иррациональная» и мистическая сфера производства и опыта культуры и музыки не может избежать рационализации и бюрократизации.

Общество влияло и продолжает влиять на музыку. Но также верно и обратное. Музыка оказывает воздействие на социальную жизнь: она играет роль в политических движениях (например, культурный национализм) и появлении новых молодежных культур, таких как хип-хоп или брейк-данс [Turley, 2001]. Музыка может преодолевать социальные раз-

личия – Вебер не уделял этому моменту большого внимания, но мы поговорим о нем более подробно в главе, посвященной Уильяму Дюбуа [Kemple, 2009].

Музыка важна и в военной жизни: она сопровождает и ведет торжественные церемонии, которые очень значимы в военной культуре, поскольку дают выражение коллективному характеру, коллективному разуму и памяти военных. Военная музыка особенно важна в торжественных мероприятиях, например на выпусках из военных училищ и академий, церемониях, посвященных продвижению по службе или ежегодным празднованиям дня основания воинского подразделения. Она чрезвычайно важна в церемониях поминовения погибших в бою [Burk, 2008]. Совместные строевые учения и марши вызывают добрые чувства и облегчают совместные усилия любого рода, будь то физические или психологические (см., например, [Soeters, 2018]). В давние времена, когда не было других средств коммуникации, время и ритм операционных маневров на поле боя задавались барабанами и трубами (с помощью труб подавали сигнал к атаке, маневру или отступлению, а барабанная дробь заставляла солдат маршировать как единое целое, что приободряло их и снижало чувство страха).

История свидетельствует, что громкий в унисон боевой клич римского легиона часто оказывался решающим фактором на поле боя [Johnson, Cloonan, 2009: 33–34]. Как продемонстрировал Вебер, все это часто было процессом бюро-

кратической дисциплины и стандартизации. Стандартизированные музыкальные выражения использовались в попытке немного прояснить и развеять туманность битвы.

Сама по себе музыка оказывает влияние и на другие социальные феномены. Какой-то аспект этого влияния может стать особенно важным для вооруженных сил, их решений и действий.

Темная сторона струны

Любое музыкальное взаимодействие потенциально может стать актом агрессии, вторжения, символического или реального насилия [Johnson, Cloonan, 2009; 2011]. В военных операциях, например в войне во Вьетнаме, для сопровождения военных действий использовалась громкая и высокопрофессиональная музыка. Она поднимала боевой дух солдат, предупреждала и запугивала врага, включая и население страны конфликта. До настоящего времени музыка также была и инструментом пыток на военных объектах по всему миру: при достаточно громком звучании музыка может сводить с ума. Музыка и насилие очень хорошо сочетаются друг с другом. Примеры тому можно найти в Сербии, где, например, во время Балканской войны 1990-х годов один из поборников насилия женился на звезде националистической этно-фолк музыки [Johnson, Cloonan, 2009: 148–150].

Музыка может играть и противоположную роль, как было в том же Балканском конфликте, когда музыкант, совершенно не защищенный от пуль снайперов, в одиночку выступал против насилия, играя на виолончели на рыночной площади в Сараево несколько дней подряд [Galloway, 2008: 225].

Заключение

Макс Вебер был мыслителем-социологом, чье влияние трудно переоценить. Его труды выделяются аналитическим подходом к развитию обществ, государственному управлению и вооруженным силам, которые остаются полезными и по сей день. Его работы касаются мировых событий и явлений. Интересно отметить, что как гражданин он был достаточно увлечен националистическими настроениями, по крайней мере в период до начала Первой мировой войны [Joas, Knöbl, 2013: 118–121]. Очевидно, есть разница между рациональным, космополитическим социологом и человеком, склонным к чересчур земным, даже шовинистическим, пусть и преходящим, чувствам [Cotesta, 2017]. Это различие кажется несколько менее применимым к следующему отцу-основателю социологии Эмилю Дюркгейму.

Библиография

Adler, P.S. and B. Borys (1996) «Two types of bureaucracy: enabling and coercive». *Administrative Science Quarterly*. 41(1): 61–89.

Baaz, M.E. and J. Verweijen (2013) «The volatility of a half-cooked bouillabaise: rebel – military integration and conflict dynamics in Eastern DRC». *African Affairs*. 112(449): 563–

Barker, J. (1993) «Tightening the iron cage: control in self-managing teams». *Administrative Science Quarterly*. 38(3): 408–437. Bauman, Z. (1989) *Modernity and the Holocaust*. Cambridge: Polity Press.

Burk, J. (2008) «Military culture». In L. Kurtz (ed.), *Encyclopedia of Violence, Peace and Conflict*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.